

Е. Б. Рашковский

Религия и культура в современной России

Аннотация: автор ставит перед собой задачу теоретического осмысления глубокого культурного кризиса в нынешней России, исходя из анализа тернарной институциональной структуры современного общества — государственность — религиозные институты — гражданское общество. По мысли автора, только исходя из понимания, с одной стороны, взаимной дополнительности этих трех базовых основ современного общества, а с другой — их принципиального содержательного и функционального несходства, и возможны предпосылки преодоления нынешнего культурного коллапса российского общества и его дальнейшей гуманистической эволюции.

Ключевые слова: культурология, государственность, религиозные институты, гражданское общество, Россия, культура, кризис, подъем, постсоветский период, интеллектуально-культурный ландшафт.

За последние полтора–два десятилетия область религиозных отношений в России претерпела существенную историческую метаморфозу. В период «перестройки» и первых лет постсоветского существования она была неотъемлемой частью тогдашнего живого общественного и, я не побоялся бы сказать, — человеческого подъема: она приоткрывала людям новые горизонты мысли, истории, красоты; она была неотъемлемой частью творческого пересоздания всего интеллектуально-культурного ландшафта тогдашней России.

Однако в последующие годы мы оказались свидетелями социокультурного и политического отчуждения религиозной сферы: от людей, от специфики своей обращенности ко внутреннему опыту человека. Она пошла не только и не столько даже «в народ», сколько в кадры, став во многих отношениях формой самоорганизации и самоутверждения духовных и светских «номенклатур». Причем не столько даже духовных, сколько светских. А там, где отчуждение, — всегда и массовое разочарование и частичная деградация сознания...

Итак, религиозная сфера в сегодняшней России превратилась в сферу сплошных и неумных антагонизмов и страстей. И круги этих страстей расширяются — вплоть до актов откровенного насилия, вплоть до массового вандализма и хулиганства со стороны самых различных конфликтующих сторон. Вплоть до угроз перманентных расправ и, по существу, гражданской войны с явной религиозной подоплекой. Интернет буквально переполнен не только сообщениями об актах насилия и вандализма на религиозной (или антирелигиозной) почве, но и свидетельствами воистину инквизиторского административного восторга: здесь можно найти бесконечные требования запретить оперу «Jesus Christ Superstar», ввести в школах должность «замдиректора по духовности» (т. е. долж-

ность православного эквивалента бывшего парторга), усугубить репрессивные действия против россиян-протестантов...

Мне могут не без основания возразить, что все эти неприглядные массовые явления суть издержки процесса запоздалого и незрелого освоения религиозной реальности отчасти забывшей сложность своего культурного прошлого, потерявшей в войнах и репрессиях значительную часть своего генофонда и во многих отношениях авторитарной страной. Такая, дескать, у нас «цивилизация»: коллапс, собирание, «силовое» сжатие, надлом, очередной коллапс... И так до бесконечности. Но, думается мне, за досужими разговорами о «цивилизации» и «самобытности» угадывается некоторое глубокое и не всегда осознанное неуважение к трагическим судьбам собственной страны и ее народа, непонимание того обстоятельства, что расточение ее человеческих, равно как и природных богатств не может длиться бесконечно. И что теоретически неупорядоченные споры лишь усугубляют историческую боль не устоявшейся и не нашедшей себя страны.

Вот почему хотелось бы призвать читателя к собранному теоретическому разговору о природе нашего культурного кризиса. Разговор этот, разумеется, не может не быть многоаспектным, но мне хотелось бы начать его с моментов социологических, точнее даже — теоретико-социологических.

Устные споры, блоги в Интернете, публицистика, научно-популярная мысль, подчас и научные публикации самых различных, даже антагонистических направлений — все это, как правило, руководствуется в основных своих построениях линейными бинарными оппозициями: государство — общество; государство — религия; религия — общество.

Однако бинарное мышление, элементарное и в основе своей архаичное, будучи хотя и необхо-

димой, но лишь начальной стадией понимания, в дальнейшем ведет людей лишь к вящим антагонизмам и раздорам, ибо строится на самоотожествлении мыслящего субъекта с теми, на кого он способен влиять, лишь с одной из сторон смысловой оппозиции, т. е. на идентификации лишь с одним из противопологающихся друг другу человеческих массивов. А в нынешних условиях, как говорит современный исследователь, упрощенный подход у жизни и мысли ведет, воистину, к «культурной контрреволюции»¹. Наблюдение верное, хотя по моему складу мысли, сути дела более отвечала бы категория, введенная о. П. Тейяр де Шарденом: культурная «контрреволюция».

Вот почему мне хотелось бы — ради серьезного политологического и культурологического разговора — обратиться к идеальному (в веберовском смысле) *тернарному* срезу занимающей нас проблемы.

В идеале нам даны в современном обществе три составляющие его институциональных элемента: государственность, религиозные институты², гражданское общество³.

Закономерен вопрос, особенно волнующий как раз современного россиянина: как встраивается в эту тернарную схему проблема бизнеса? На мой взгляд, имея вполне самостоятельное значение в современном обществе, бизнес все же институционально зависит от всех трех перечисленных сфер (в особенности от первой, но отчасти и от второй, и от третьей). Не случайны и нередко оправданны постоянные российские жалобы на излишнюю коммерциализацию Церкви. Однако следует помнить при этом, что помимо связей с бизнесом ни церковное строительство (в широком смысле этого слова), ни учебная и издательская инфраструктура конфессий, ни даже религиозный обиход попросту невозможны: религиозное обслуживание народа со стороны любой из конфессий требует немалых материальных и финансовых затрат. Конечно же, вопрос об экономических злоупотреблениях религиозных деятелей и иерархов этим замечанием не снимается.

¹ Пастухов Вл. Страна на грани нервного срыва // Новая газета. 2012. 22 октября. С. 10.

² В тоталитарных обществах XX в. (это отчасти относится и к тоталитарным обществам нынешнего Востока) функция религиозных институтов, но отчасти также и государственности, в значительной мере присваивается властвующими партиями: их общая сакрализация, язык и сам обиход носит характер как бы пустосвятной «церкви», церкви навыворот (кто из людей старших поколений не помнит жесткой ритуализации партсобраний и съездов?)

³ См.: Ворожейкина Т. Е., Рашковский Е. Б., Умнов А. Ю. Религия, Церковь, общество // Гражданское общество. Мировой опыт и проблемы России. М.: УРСС, 1998. С. 132–157; Рашковский Е. Б. На оси времен. Очерки по философии истории. М.: Прогресс-Традиция, 1999. С. 151–174.

Три элемента (или, точнее, три институциональные начала) глубочайшим образом проникают, по существу, каждого из нас. Действительно, исполняя законы, посещая казенные учебные заведения, платя налоги и штрафы, участвуя в электоральных процессах, сообразуя свою жизнь и поступки с юридическими и правоохранительными учреждениями, соблюдая правила уличного и дорожного движения, мы так или иначе оказываемся функционерами *государства*. Рождаясь на свет и получая имя, вступая в браки, рождая детей, умирая (даже будучи посмертно поминаемы), большинство из нас так или иначе нуждается в символическом оформлении, в символической организации своего личного жизненного пространства (своего *Umwelt*) и жизненного пути и, стало быть, так или иначе вступает в сферу деятельности *религиозных институтов*, связанных по преимуществу именно с символическими аспектами нашей человеческой действительности. Как бы ни было слаборазвито у нас в России *гражданское общество*, его моменты так или иначе присутствуют в повседневности: акты взаимопомощи и кооперации между людьми, совместные интересы, соседство, организованная милосердная и волонтерская практика, отчасти даже приходская жизнь, художественные, спортивные, экологические и оздоровительные группы, общение по интересам (в том числе и Интернет-общение), клубы, партии — все это так или иначе пронизывает жизнь индивидов и групп. Однако следует иметь при этом в виду, что эти разрозненные формы общественной активности людей собираются в зрелое и развитое гражданское общество лишь при условии признанной и реально действующей правоогражденной свободы.

Следует иметь в виду, что все эти три элемента, которые необходимо различать теоретически (иначе мы попросту не поймем основы и специфику современной жизни) на практике (при всей необходимой своей автономности) не даны в отрыве друг от друга и не могут существовать друг без друга⁴.

Но вот в чем теоретическая загвоздка, а также и камень преткновения для нынешней массовой

⁴ Не могу в этой связи не вспомнить один из незаслуженно забытых памятников православной мысли, созданных в предоктябрьский период нашей революции: *Дурьлин С. Н.* Приход. Его задачи и организация. М.: Универсальная б-ка, 1917. На мой взгляд, эта брошюра не утратила актуальность и поныне, ибо по сей день Россия так и не решила толком задачи ни буржуазно-демократической революции, ни религиозной свободы. Той задачи, которая еще в середине XIX в. была определена великим итальянским политиком графом Кавуром как «свободная Церковь в свободном государстве» (см.: *Языкова В. Е.* Церковь и государство в Италии в политической концепции К. Б. Кавура... // www.dslib.net/vseobwaja-istoria/cerkov-i-gosudarstvo-v-italii-v-politicheskoj-koncepcii-k-b-kavura.htm)

российской мысли и практики: светская государственность (а российская государственность определена 14 статьей Конституции именно как государственность светская), религиозные институты и гражданское общество не могут сосуществовать в рамках одной общественной системы, одного народа в абсолютной и бесконфликтной гармонии, в абсолютно непротиворечивой связке. Они скорее даны нам в состоянии некоего неизбывного, но творческого противоречия, требующего доброй воли всех заинтересованных сторон.

Это противоречие задано самим отношением трех базовых институциональных сил к истории, к историческому времени, к трем основным его измерениям: к огромному и неупразднимому прошлому, к почти эфемерному настоящему, к мгновенно вырастающему из настоящего и накапывающему на нас все возрастающей своей массой будущему. И, наконец: ко всевременному, вечному контексту нашего существования.

Ибо государственность, в идеале, даже в новаторских своих начинаниях ориентируется на историческую преемственность, на зависимость проблематики настоящего дня от *опыта прошлого*. Государственность, в существе своем, *консервативна*. Даже когда в целях самосохранения берет за «революции сверху».

Гражданское же общество накапливает в кратком настоящем и сознает свое недовольство прошлым, изыскивая новые, непринужденные пути *будущего*, экспериментируя в своих спонтанных и даже формализованных проявлениях. В частности, это можно сказать и об Интернет-общении: оно оказывается электронным симулякр подлинного человеческого общения в эпоху сверхскоростей и фактором несомненной фрагментации гражданского общества⁵, а завтра может стать основой подлинных и возрожденных связей между людьми. Но так или иначе гражданское общество — носитель *инновационного* и даже *революционного фермента* в социуме, носитель импульсов парадигмального сдвига в общественной жизни, в мышлении и познании, в эстетических исканиях и стандартах⁶. Правда, в определенных социально-исторических обстоятельствах, когда демократия сворачивается и вытесняется иждивенчески ориентированными массами, инновационные чаяния гражданского общества могут подменяться и примитивным популизмом⁷. Однако сама творческая

проблематика гражданского общества этим обстоятельством едва ли упраздняется.

А что же религиозные институты? Они, по определению, связаны прежде всего с *вечными* — *вневременными* и *надвременными* аспектами человеческого опыта и существования. Любовь, одиночество, забота, чувства признательности и благоговения — все это не покрывается обстоятельствами истории, перерастает рамки исторических обстоятельств, а подчас даже и определяет эти обстоятельства. И большая беда и для общества, и для человека, и для самой религиозной сферы, если религиозные институты льнут исключительно к прошлому и пресмыкаются перед стремлением земных властей законсервировать и склеротизировать это прошлое в настоящем и будущем.

Гераклитово суждение о невозможности вернуться в ушедшие воды особенно важно для понимания специфики и исторических срывов в религиозной сфере. Мне представляется, что большими будущими потрясениями для страны может обернуться совместно разработанная верхами государства и Церкви в 1997 г. идея привилегированного положения «традиционных конфессий» (православие, ислам, буддизм, иудаизм) в ущерб всем прочим — «нетрадиционным». Исторические предпосылки этой идеи понятны: страх Русской православной церкви перед конкуренцией со стороны протестантских церквей и сект, а в особенности — новых синкретических религиозных движений, страх российского государства перед экстремистскими направлениями ислама. Но за этим (казалось бы, сиюминутно удачным) политическим маневром стоят две существенные познавательные ошибки.

Во-первых, концепт «традиционных конфессий» недооценивает многообразие и зачастую даже антагонистический характер направлений и толков внутри самих «традиционных» конфессий (это особенно заметно в исламе, где дело доходит до кровавых разборок, в меньшей мере — в православии, еще в меньшей мере — в иудаизме; но все же заметно).

Во-вторых, концепт «традиционных конфессий» вольно или невольно исходит из того допущения, что история раз и навсегда застыла на своей нынешней точке, тогда как великие исторические религии не только подвижны во времени, но и сами начинались с поисков именно нетрадиционных форм религиозных ориентаций в мире и в человеческой душе⁸. И кто сказал, что религиозная динамика истории остановилась раз и навсегда в нынешних ее формах?

⁵ См.: Назарчук А. В. Социальное время и социальное пространство в концепции сетевого общества // Вопросы философии. 2012. № 9.

⁶ См.: Могильницкий Б. Г. История исторической мысли XX века. Курс лекций. Вып. 3. Историографическая революция. Томск: Изд. Томского университета, 2008. С. 34–35.

⁷ См.: Крастев Ив. Парадокс европейской демократии // Pro et contra. М. 2012. Т. 12. № 1–2. С. 13–14.

⁸ См.: Waardenburg J.-J. «Leben verlieren» oder «Leben gewinnen» als Alternative in prophetischen Religionen // Leben und Tod in den Religionen. Symbol und Wirklichkeit / Hrsg. von G. Stephenson. Darmstadt: Wiss. Buchgesellschaft, 1985.

Собственно, все сказанное выше приоткрывает нам глубину трагизма российской жизни и культуры начала XXI в.

Ибо в реальной основе нынешней российской государственности, вопреки конституционным ее основам, лежат не принципы правовой регуляции (а право и юриспруденция суть выражение минимума нравственных требований к обществу и человеку⁹), но принцип «опричного», силового осуществления сиюминутных расчетов, настроений и прихотей начальства. В этом плане наш бюрократический госкапитализм — не таящийся преемник прежнего бюрократического социализма с его приматом идеи распреда над всеми прочими задачами и функциями социальности и культуры.

В идейной жизни нашего гражданского общества исключительно сильны все те же прежние идеи геополитического реванша, классовой ненависти и самозванных мировых претензий («а вот цивилизация у нас такая!»), которые были характерны для дискредитировавших себя идеологий позапрошлого и прошлого веков; *культура оскорбления*, особенно пышно расцветшая в нынешней российской «блогосфере» — несомненная дань этим традициям исключительности и нетерпимости¹⁰, дань застарелой в нашей истории традиции подмены демоса (т. е. ценностно ориентированного и самосознающего народа) охлосом.

В жизни религиозных институтов — не столько духовная, сколько партийная борьба за идеологическую гегемонию, а посему — нередкая ставка на психологическую, духовную и культурную отсталость. Ставка тактически безупречная, но стра-

тегически провальная. А в ответ — активизация антирелигиозной злобы некоторых маргинальных молодежных групп: спиливание поклонных крестов, поджоги, осквернение кладбищ, церквей, мечетей и синагог...

На что же тогда надеяться? Думается мне: прежде всего на сферу культуры, на сферу гуманистических культурных смыслов и самоотверженных культурных трудов. Ибо культура лежит у самих основ развитой человеческой личности. А личность строится на разломах истории, социальности, институтов, да и самой культуры. И скрепляет собой эти разломы¹¹.

Разумеется, эта хрупкая, но живительная сфера персоналистической культуры не мыслима: без государственной поддержки, без интереса со стороны гражданского общества, без глубокой и неформальной религиозной санкции. Только надобно при этом помнить, что работа в области культуры есть ответственнейшая и тонкая работа в сфере тех базовых и подчас противоречивых человеческих смыслов, которыми осеют (если вспомнить евангельское выражение) и спасаются от распада все три описанные мною и необходимо связанные одна с другой области индивидуальной и коллективной жизнедеятельности человека: государственность, религиозные институты, гражданское общество. Ибо подлинная, осмысленная и человечески ориентированная культура образует собой: и современную *soft-power* государственности, и мощное интеллектуальное и творческое подспорье религиозной сферы, и очистительную и новаторскую силу гражданского общества.

Список литературы:

1. Ворожейкина Т. Е., Рашковский Е. Б. и Умнов А. Ю. Религия, Церковь, общество // Гражданское общество. Мировой опыт и проблемы России. М.: УРСС, 1998.
2. Дурылин С. Н. Приход. Его задачи и организация. М.: Универсальная б-ка, 1917.
3. Крастев Ив. Парадокс европейской демократии // *Pro et contra*. 2012. Т. 12. № 1–2.
4. Могильницкий Б. Г. История исторической мысли XX века. Курс лекций. Вып. 3. Историографическая революция. Томск: Изд. Томского университета, 2008.
5. Назарчук А. В. Социальное время и социальное пространство в концепции сетевого общества // Вопросы философии. 2012. № 9.
6. Пастухов Вл. Страна на грани нервного срыва // Новая газета. 2012. 22 октября.
7. Прибыткова Е. А. Несвоевременный современник. Философия права В. С. Соловьева. М.: М. Колеров, 2011.
8. Рашковский Е. Б. Культура и свобода (к проблематике Нового гуманизма) // Культура и искусство. 2011. № 2.

⁹ См.: Прибыткова Е. А. Несвоевременный современник. Философия права В. С. Соловьева. М.: М. Колеров, 2011.

¹⁰ В новейшей литературе часты сетования на маргинализацию и деморализацию в российском гражданском обществе последних лет, во многом связанную с целенаправленным государственным давлением; однако процессы саморазвития гражданского общества (при всех их трудностях и срывах) все же мыслятся непреложными (см.: Scheide C. *Zivilgesellschaft in Russland // Religion & Gesellschaft in Ost und West*. Zürich. 2012. 40. Jg. Hf. 10. S. 9–10).

¹¹ См.: Рашковский Е. Б. Культура и свобода (к проблематике Нового гуманизма) // Культура и искусство. 2011. № 2; Скороходова Т. Г. Реализм *versus* утопизм: социально-философские размышления Рабиндраната Тагора и Семена Франка // Исторический журнал. Научные исследования. 2012. № 2 (6).

9. Рашковский Е. Б. На оси времен. Очерки по философии истории. М.: Прогресс-Традиция, 1999.
10. Рашковский Е. Б. Смыслы в истории. Исследования по истории веры, познания, культуры. М.: Прогресс-Традиция, 2008.
11. Скороходова Т. Г. Реализм versus утопизм: социально-философские размышления Рабиндраната Тагора и Семена Франка // Исторический журнал. Научные исследования. 2012. № 2 (6).
12. Язькова В. Е. Церковь и государство в Италии в политической концепции К. Б. Кавура // www.dslib.net/vseobwaja-istoria/cerkov-i-gosudarsvo-v-italii-v-politicheskoy-koncepcii-k.-b.-kavura.htm
13. Scheide C. Zivilgesellschaft in Russland // Religion & Gesellschaft in Ost und West. Zürich. 2012. 40. Jg. Hf. 10.
14. Waardenburg J.-J. "Leben verlieren" oder "Leben gewinnen" als Alternative in prophetischen Religionen. // Leben und Tod in den Religionen / Symbol und Wirklichkeit / Hrsg. von G. Stephenson. – Darmstadt: Wiss. Buchgesellschaft, 1985.

References (transliteration):

1. Vorozheykina T. E., Rashkovskiy E. B. i Umnov A. Yu. Religiya, Tserkov', obshchestvo // Grazhdanskoe obshchestvo. Mirovoy opyt i problemy Rossii. M.: URSS, 1998.
2. Durylin S. N. Prikhod. Ego zadachi i organizatsiya. M.: Universal'naya b-ka, 1917.
3. Krastev Iv. Paradoks evropeyskoy demokratii // Pro et contra. 2012. T. 12. № 1-2.
4. Mogil'nitskiy B. G. Istoriya istoricheskoy mysli KhKh veka. Kurs lektsiy. Vyp. 3. Istoriograficheskaya revolyutsiya. Tomsk: Izd. Tomskogo univ., 2008.
5. Nazarchuk A. V. Sotsial'noe vremya i sotsial'noe prostranstvo v kontseptsii setevogo obshchestva // Voprosy filosofii. 2012. № 9.
6. Pastukhov Vl. Strana na grani nervnogo sryva // Novaya gazeta. 22.10.2012.
7. Pribytkova E. A. Nesvoevremennyi sovremennik. Filosofiya prava V. S. Solov'eva. – М.: М. Kolerov, 2011.
8. Rashkovskiy E. B. Kul'tura i svoboda (k problematike Novogo gumanizma) // Kul'tura i iskusstvo. 2011. № 2.
9. Rashkovskiy E. B. Na osi vremen. Ocherki po filosofii istorii. M.: Progress-Traditsiya, 1999.
10. Rashkovskiy E. B. Smysly v istorii. Issledovaniya po istorii very, poznaniya, kul'tury. M.: Progress-Traditsiya, 2008.
11. Skorokhodova T. G. Realizm versus utopizm: sotsial'no-filosofskie razmyshleniya Rabindranata Tagora i Semena Franka // Istoricheskiy zhurnal. Nauchnye issledovaniya. 2012. № 2 (6).
12. Yaz'kova V. E. Tserkov' i gosudarstvo v Italii v politicheskoy kontseptsii K. B. Kavura // www.dslib.net/vseobwaja-istoria/cerkov-i-gosudarsvo-v-italii-v-politicheskoy-koncepcii-k.-b.-kavura.htm
13. Scheide C. Zivilgesellschaft in Russland // Religion & Gesellschaft in Ost und West. Zürich. 2012. 40. Jg. Hf. 10.
14. Waardenburg J.-J. "Leben verlieren" oder "Leben gewinnen" als Alternative in prophetischen Religionen. // Leben und Tod in den Religionen / Symbol und Wirklichkeit / Hrsg. von G. Stephenson. – Darmstadt: Wiss. Buchgesellschaft, 1985.